

Сергей Тулевич

Дом, у
которого
солнце встает

Сергей Гулевич

Дом, у которого солнце встает

«Издательские решения»

Гулевич С.

Дом, у которого солнце встает / С. Гулевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852249-9

Первый раз попал в Коктебель в далеком детстве, в 1978 г. Постепенно эти детские воспоминания ушли глубоко на дно памяти. До возвращения в 2006 г., когда я понял что нашел свой Дом. У которого солнце встает. И это уже не лечится. Гулевич Сергей ака Отец Тук

ISBN 978-5-44-852249-9

© Гулевич С.
© Издательские решения

Содержание

1. Крымские города	6
2. Отсутствие логики	8
3. Дорога в Коктебель	9
4. Крымские сны	12
5. Старые фотографии	13
6. Прощание	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дом, у которого солнце встает

Сергей Гулевич

© Сергей Гулевич, 2017

ISBN 978-5-4485-2249-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Крымские города

Самонадеянно считаю, считал и буду считать, что страну, город, поселок можно узнать только ногами. Почувствовав на себе подъемы, спуски, горные ручьи и выжженное добела небо. Из окон автобуса/самолета/станции мир, эффект совершенно не тот. Там бубнит экскурсовод, и пассажиры послушно поворачивают головы вслед за указующим перстом экскурсоводителя, прохладительные напитки и чипсы заблаговременно открыты. Из окна автобуса, чей салон омыт охлажденным в кондишене воздухом, горы кажутся совсем настоящими, а прелести и радости дороги такими незатруднительными.

А снаружи солнце, небо и настоящие горы, болят ноги, и плечи оттягивает рюкзак, кровь стучит в висках, а потом момент катарсиса, море, которое все недоступно маячило на горизонте, ласково обнимает тебя. Ведь на небе только и говорят, что о море.

Многие места, где был, раскрываются с первого раза, западают в душу и остаются там, формируется их образ.

Коктебель – бродяга, кажется стариком, пока не заглянешь в его глаза. Вытертые джинсы, старая майка, местами протертая, местами прожженная; высушенный солнцем Крыма, как старое дерево; грива полуседых волос, морщины у глаз, по привычке щурится на солнце и щедро улыбается; льдисто-голубые, пронзительные глаза, в которых отразилось и осталось в плену небо Киммерии. У правого колена бутылка вина, небрежно закрытая пробкой, под левой рукой гитара, такая же битая жизнью и потрепанная, как и ее хозяин.

Бродяга затягивается, не отрывая глаз от моря, бросает:

– Говорили, что ты не приедешь.

– Плюнь тем, кто говорил, в глаза!

Бродяга хмыкает:

– Уже! Здравствуй, брат!

Некоторые раскрываются, к ним тянет, но который год не складывается.

Севастополь – военная осанка, расправленные плечи, тонкий породистый профиль, холодный прищур серых глаз, в которых до сих пор видны оранжевые высверки в клубах порохового дыма. Белая кость флота, аристократ, офицер, ни разу не сдавшийся, не раз встававший из пепла; парадка, кортик у бедра; кисть, зятанутая в перчатку, взлетает к фуражке: «Честь имею, сударь!». С удовольствием здороваюсь, раскланиваюсь, в который раз обещаю: в следующий раз заедем. Слышу, как за спиной насмешливо хмыкает Бродяга.

Феодосия – старуха из «бывших», дворянское собрание, папа – генерал, имение, до сих пор прямая спина, несмотря на годы; видно, какая она была, когда блистала на балах, но прошло ее время, прошло. Хотя и бодрится, хорохорится. Держится старушка!

С некоторыми не срастается вообще никак, хотя и море, и горы, и красоты, и интересности есть.

Судак – хмурый генуэзский арбалетчик, оперся на ростовую тарчу, арбалет у ноги, взгляд как через дужку прицела, острый и холодный как граненый наконечник болта. Вежливо и уважительно раскланиваемся.

Алушта-Алустон – византийская красавица, стройная, гордая.
Копна светлых волос.
Огромные глаза, которые умеют смеяться,
разбрасывая солнечные зайчики.
Крупные губы красивой лепки,
которые могут хмуриться,
могут улыбаться вежливо и холодно,
а могут легким, ироническим изгибом вызвать ступор мозга и остановку сердца.
Те самые соболиные брови вразлет, которые часто встречаются в легендах и сказаниях.
Короткая туника, открывающая длинные ноги, у левого бедра круглый щит, гибкие сильные пальцы уверенно лежат на древке копья, коринфский шлем сдвинут на затылок.
В глазах насмешливые чертики пляшут: в море копьём спихнуть? Или в терму позвать?
Некоторые, несмотря на многочисленные посещения, остаются тайной.
Ялта – рыжая, коротко, до плеч, неровными прядями (долго парикмахер старался) остриженная. В глазах чертики с бесенятами пляшут, насмешливый прищур глаз сквозь сигаретный дым. Качается туфелька на точеной ступне. Не девочка, не девушка, умная красивая женщина, знающая себе цену. Ялта – красотка, Ялта – кокетка, Ялта – кокотка.
Еще до поездки образ Гурзуфа сам сформировался, причем совпал с ощущением по приезде. Гурзуф – чернявый, горбоносый, белозубый красавец. Белый хитон небрежно наброшен на плечи, в правой руке кратер с вином, в левой небрежно заброшенный на плечо тирс, увитый хмелем. За правым плечом молчаливой глыбой застыл Пан, у колена бассарея присела.

2. Отсутствие логики

Иррационально, глупо и по-лоховски ездить задорого туда, где нет сервиса, олинклюзива, бесплатного спиртного, аниматоров, где грязные татары, где все тебя пытаются обмануть, куда, в конце концов, не ездят приличные люди!

Ведь за эти деньги можно поехать в лучшие условия в Турцию, Египет, в Болгарию, в конце концов! Где не нужно ходить, самому строить свой отдых и, страшно сказать, есть в таких условиях.

Ты и детей туда таскаешь? Ты точно псих!

Вот в следующем году обязательно поедem с нами! Ведь в Турции тоже есть горы, набережная, чистое море, песок! И в баре бесплатно наливают! И дочери будут счастливы, младшая будет в песке ковыряться, а старшая на дискотеку ходит.

Да и жена отдохнет как человек и ты тоже! И готовить на отдыхе не нужно! Придумал тоже уху варить на пляже, да тебе повар в отеле такую уху сварит, что пальчики оближешь! Ну не уху, ну не на пляже, ну не для тебя, но какая разница!

Ну что, поехали следующим летом? Ты наконец поймешь, что такое полноценный отдых!

Я послушно киваю, я в курсе: я старый балбес, ничего не понимаю в жизни несмотря на седину в бороде, и там все включено, а в Крыму нет. Там замечательно и здорово. А в Крыму плохо, не устроено и русские.

Но у рабочего стола, в уголке за диваном, стоит старый потрепанный рюкзак, в котором спит моя бандана, печка, стоптанные кроссовки, в кармане лежит горсть камешков с пляжа, трубка с остатками табака, баклажка от портвейна «Князь Голицын».

Рюкзак спит и ждет...

А весной с юга задует ветер странствий и принесет с собой запах степной полыни, моря, можжевельника, терпкие нотки вина. И в глазах снова отразится небо Крыма, рюкзак привычно ляжет на плечи, распахнутся крылья. И ветер унесет меня с собой.

3. Дорога в Коктебель

Симферополь, арки, часы на башне.

Другое небо, другой воздух.

Налево, к кассам, через толпу разводящих, таксистов, посредников, турагентов.

Нет, спасибо, нет, сами, и вам удачи!

Что вы говорите, приехал отдохнуть и собираюсь мучить жену и самого себя поездкой в маршрутке вместо такси, да еще с кондишеном?

Да я за ваше здоровье эти деньги пропью с преогромнейшим удовольствием, радостью и счастьем!

Сколько я куплю за эти несчастные копейки?

Та вот прямо сейчас пойду к рынку за чебуреками, вина куплю, а доберусь до Коктебеля – чачи добавлю.

Таксист ржет, жмет руки, расстаемся, ему ловить клиентов, а я от них удрал, в свой Неверленд.

Мне повезло больше...

Два билета до Коктебеля, пожалуйста.

Бутылка мадеры 2009 года коктебельской, с черной этикеткой.

Дизайн мрачноватый, но цепляет.

Чебуреки берем?

Маршрутка наконец ушла с кольца на Феодосию.

Старый пошарпанный швейцарец – друг мой, брат мой в путешествиях. Выщелкиваю штопор.

Что вы говорите? Пить в маршрутке нельзя?

Боже мой, шо тут пить? Вы посмотрите на мое лицо и скажите, только в глаза глядя,

Что эта несчастная мадера со мной сделает?

Вот допью и сразу брошу!

Стаканчики? Увольте-с, возвращаюсь домой, имею право немного похулиганить.

Глоток, маленький, на пол-укуса, подержать на языке, обязательно закрыв глаза.

Виноград, терпкие ноты, сладость растекается по венам; аромат мадеры кружит голову, как первый поцелуй.

И крымское солнце начинает светить из глаз, пока мягким светом.

Это потом полыхнет жаром и сумасшествием...

Чебурек уже остыл, да и есть не хочется.

Когда душа дома, ей тело не очень нужно, оно как одежда.

Потом глоток длинный, теплая волна накрывает с головой.

Накрывает и уносит далеко на обочину навязшую на зубах рутину, работу, интернет, надоевших хуже атомной войны клиентов, которые звонят сегодня ночью, потому что заказ был нужен позавчера утром.

Фиг ли, я же волшебник!

Белогорск, старый Крым, чайхана,

Заправка, гаевые, поворот направо, гора Клементьева с памятником.

Маршрутка движется вверх, а сердце ухает вниз.

Профиль Волошина, бухта, железная арка,

Улыбка на все лицо – так, как не получается улыбаться дома.

Пролетает привычная вывеска «Страна Коктебель».

Мелькает «Ас-Эль».

У Приморья остановите, пожалуйста!

Снова разводящие, торговые палатки, рынок,

Долинный, бетонные плиты под ногами.

Приехали!

Вы представляете, что такое целый год ждать?

А потом наконец приехать, вдохнуть в себя воздух,

Густой – такой, что можно резать ножом, и сладкий, что можно добавлять в чай,

И наконец поверить, что это не сон.

Бросить чемоданы, потом разберем, распакуем, а лучший душ после дороги – это море.

Потом на рынок, поздороваться, купить сыра – домашней плетенки, и с травами.

В винную бочку, а налейте-ка нам, прелестная барышня, монте блан, любимой жене ста- кашек маленький.

Мне портвейну, конечно, коктебельского! Вы-ы-ы меня обижаете, что значит малень- кий 200?

Посмотрите на меня и скажите себе, что такое 200 портвейна и я? Целый год ждавший, между прочим! Вот, достается правильная тара, и в ее дно бьет тугая струя лекарства.

Вы спросите, почему портвейн? А сложилось так:

В первый день любимой жене новосветское шампанское, мне портвейн.

Раньше был замечательный «Адмиральский». Пропал почему-то...

Набережная, «ушедший в пике» зодиак (жлобы!),

Голубой залив, барон спит в тенечке,

Оголтелые пацаны изображают музыкантов))

Не, спасибо! Трава-поебень не нужна, тьфу-тьфу-тьфу, справляемся пока,

Но не приведи господь, сразу скуплю все))

Татарка, запах шашлыков/чебуреков, вечно сухой фонтан с морячком.

Не, спасибо, счас кушать не хотим.

Дядя Али, салам алейкум!

Какие ваши годы-то? Орел степной и татар удалой!

Двести чачи, пожалуйста, сразу в стаканчиках, мне 150, любимой жене 50.

А плов когда будет? Мы как раз придем с пляжа.

И да, и шурпы, само собой, из баранины.

Я приемлю разные извращения и отклонения, но в Крыму шашлык/плов/шурпа/лагман – блин, да много чего должны быть только из баранины.

А вот под нее и поговорить, благо в рюкзаке подарок лежит.

Галька, навес, деревянные дорожки,

От «Калипсо» тянет блюз,

«Ебель» пока молчит, зараза такая!

Когда же тебя поглотит-то геенна огненная?!

Первый раз за год уважительно с морем, никаких брызг и радостного галопа по волнам.

Море, здравствуй!

Помнишь меня?

Ты меня здесь обняло первый раз давным-давно, в далеком 79 году,

Помнишь?

Помнишь!

Море обнимает и держит, отплыть от берега и лечь на спину,

Просто расслабиться, и оно держит, как мать держит непутевого сына, вернувшегося домой.

Это потом гудящие от усталости ноги, одышка (потому что интернетный овощ), усталость, выгоревшая лысина, облезший нос, сгоревшие плечи.

Но в Коктебеле это поправимо, причем очень быстро.

Это потом, все потом.

А сейчас я вернулся домой...

4. Крымские сны

Дни проходят в скучной и нудной суете, монитор, треск клавиш, звонки студентов.
За окном серый бетонный забор полудохлого завода.

Весной, когда потеплеет, картинку оживит цокот каблучков и отрадная каждому мужскому сердцу картинка девушек в коротких юбках))

По пятницам жизнь раскрашивается в более теплые тона, тятница пришла! Традиционно у нас на кухне отрыв в готовке (ваши продукты + мои таланты = гарантированное удовольствие от чревоугодия).

Организм уже начинает делать пока еще робкие намеки на то, что не все ладно в датском королевстве.

Молниеносная утомляемость, отягощенная одышкой,

Но пока еще удается от своих прятать.

Я лысый, мордатый, сильный и в меру упертый,

Ну а дыхание – ну, бывает, ну, сбивается; если молчать и не болтать, то, в общем-то, и незаметно.

А вечером стоит закрыть глаза и нырнуть в сон, как в набегающую волну с головой, без брызг, стремительно уходя в темную глубину,

За правым плечом по-хозяйски всплывает Карадаг, поднимаются коктебельские дома и теплый ветер дышит в лицо.

Дорога послушно ложится под ноги, одышки нет и в помине,

Рюкзак привычно и приятно давит на плечи, нож на поясе, трубка в зубах,

В груди пульсирует горячий комок счастья,

Неспешно проплывают виноградники, динотерий,

А впереди во всей красе искрится море.

Неважно, светло или темно во сне, я всегда его вижу.

И можно зайти на рынок купить сыра и вина,

Почему-то вино всегда на вкус как «Талисман Коктебеля» из лета 2009, сыр – соленая косичка, лаваш умопомрачительно мягок и вкусен.

Неспешно прихлебывая, идти по Десантников вниз, к морю, постепенно срываясь на бег,

А на последнем перекрестке взлетая в небо, во сне это так просто.

Но к морю дойти не получается, сон плавится и рвется как зажеванная киноплёнка.

А потом приходит утро.

Прогреть машину, старшую дочь отвезти в школу, младшую – в садик.

Дышать ровно, не сбиваться, не хромать, улыбаться и шутить.

Комп, студенты, работа...

5. Старые фотографии

Не смотрите в свои старые фотографии,
Выцветшие, пожелтевшие, ломкие,
С уплывшей резкостью, подписанные каллиграфическим почерком людей, которые зачастую растворились в прошлом.

Слишком заманчива мысль продать пленку времени и провалиться в то лето...

Где молодая и очень красивая мама, а папа не знает слова «больница»,

А главная беда и огорчение, то что мама (доктор таки) не пускает в море купаться, сколько бы хотелось, а только по графику, выверенному поколениями докторов.

Как сейчас помню, пришел на берег, 5 минут солнечные ванны, 5 минут море, 15 минут солнечные ванны, 10 минут море, 30 минут солнечные ванны, 10 минут море. Думаете, дальше будет 60 минут солнечных ванн и 15 минут моря? Как же ж, домой-с, ибо ребенка после купаний положено кормить и ложить спать. Хотя ребенок изо всех сил рвется назад в теплое море.

А Кара-Даг не обрел своего образа, это просто гора, есть, и все, на берегу столько интересного))

И мороженое такое вкусное, белое, в вазочке, металлическая чашечка и пластиковая ножка, помните? А сейчас такое не встречается, тоже осталось там, в памяти.

Не смотрите в свои старые цветные фотографии, сделанные на пленочные или цифровые мыльницы, отпечатанные и проявленные в киосках фотопечати.

В них отобразилась и на секунду остановилась молодость.

И впереди только небо и солнце,

Первая осознанная совместная поездка в Коктебель, «сотка» Минск – Симферополь.
Стойкое чувство узнавания пирса, профиля Кара-Дага, Приморья.

Любимая жена держит за руку тогда еще не старшую, а просто дочу, которая с опасливым восторгом пытается понять, что такое море))

Лучшая из женщин и, что приятно, моя :) в свежкупленном купальнике забирается в море, стараясь не отходить дальше пары метров от берега (боится плавать).

А доча (уже старшая) выросла, как-то незаметно, скоро расправит крылья и уйдет в свой полет. А сейчас уже младшая звонким топотком сандалет отметилась на коктебельской набережной.

Первая прогулка по набережной, ритуальное поедание мороженого на закате, для взрослых портвейн «Адмиральский», первое ночное купание, все первое.

Это осталось в памяти.

Смотрите в свои старые фотографии!

Это вы на секунду оторвались от строительства особо важной башни из камушков, превали свою прогулку с семьей, чтобы глянуть в будущее через объектив:

С надеждой-удивлением: «Эй! Старый, ты наши мечты не испортил?»

6. Прощание

Сперва ты не считаешь дни,
Ты выпал из реальности, и время бесконечно.
Все возможно, каждый день превращается в насыщенную, бурную, маленькую жизнь,
Которую завтра можно прожить по-другому, заново.
А вечером, вспоминая утро, удивляешься, что прошло всего 10—12 часов, а кажется,
что несколько лет.
А потом внезапно оказывается, что осталась неделя, три дня, день, ночь.
Время вышло...
Осталось только утро, чтобы попрощаться.
4 утра, светает, небо темное, и видны звезды.
Пустые улицы, прошуршала машина, рынок еще спит,
Дорожка через сквер Писателей,
Непривычно пустая и тихая набережная,
Слышно, как шипит море, тихо-тихо.
В районе Десантников кто-то еще колбасится.
Небольшие стайки молодых ребят с девушками разбредаются досыпать.
Хотя сколько там сна нужно в 20—25 лет? Упал на подушку, через два часа встал, умылся
и снова живой, было ж время когда-то...
Волошин, кафешка, которая была и «Диканькой», и «Алыми парусами», и еще чем-то...
Причал, татарка, мостик, пришли.
Каждый раз поневоле торопишься, боишься пропустить чудо рассвета.
Море ровное, как стекло, и такое же чистое.
Ставлю печку, щепки, зажигалка, все привычно до автоматизма.
Долить в котелок воды, свернуть голову маленькой 5.
Маленькая, чтобы создать настроение и согреть, не пропустить симфонию рассвета.
Большая – это не сейчас, не тот случай.
Вот не нравится мне, в принципе, коктебельский коньяк, особенно в последние годы,
Хоть убейте, но не нравится!
А сейчас, на рассвете, куда пропали его жесткость и деревянность?
Скатывается тугим шариком, чуть обжигая пищевод и взрываясь внутри клубком огня,
Поневоле улыбаешься, ловя ощущения.
Может, в маленькие перед отъездом специально коньяк правильный разливают?
Причем каждый год.
Пока закипает вода, набиваю трубочку,
Собственно, дома не курю, невкусно, не вижу ни кайфа, ни смысла,
А в Коктебеле, особенно под портвейн,
Ну настолько замечательное сочетание...
Дымок табака (хорошего трубочного, без ароматизаторов) замечательно оттеняет терп-
кость портвейна, служит фоном для его сладких нот, раскрывает его послевкусие.
И собственно, коньяк, портвейн, в разумных количествах, само собой, под трубку,
Закусывать считаю сексуальной перверсией и решительно осуждаю.
В кипящую воду досыпать кофе, поймать пенку, снять,
Разлить по походным кружкам, дать немного настояться.
Глоток кофе, глоток коньяка, глоток табака – мир становится уютнее и добрее.
А небо уже светлеет, Кара-Даг из черного дракона становится золотым, нестрашным.

Солнце показывается из-за холмов, и весь мир на мгновение становится желтым, ярким, теплым.

Пошли купаться...

Доплыть до последнего буйка, постучать по нему, чтобы в следующем году обязательно вернуться.

Допить коньяк, кофе, искупаться еще раз,

Жадно, захлебываясь, чтобы впитать в себя и запомнить это утро, море, небо...

Ныряю...

Море, я вернусь...

Когда уходишь с пляжа, все, что остается за спиной, сворачивается, как декорация замечательного спектакля, и укладывается в закрома памяти, оставаясь там навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.